

«Поэтическая серия «АРеал»

полина рублёва
ПРОБУЖДЕНИЕ:
книга стихотворений

www.promegalit.ru

полина рублёва
ПРОБУЖДЕНИЕ:
книга стихотворений

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Полина Рублёва. Пробуждение: книга стихотворений/составители Михаил Выходец, Андрей Торопов - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2013 г. - 68 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 978-1-304-32696-6

- © Полина Рублёва, стихотворения, 2013
- © Михаил Выходец, Андрей Торопов, составление, 2013
- © Ирина Бабушкина, иллюстрация, 2013
- © Андрей Пермяков, предисловие, 2013
- © Александр Петрушкин, дизайн, верстка, 2013

Пробуждение

Некоторое время назад у наших литературоведов, препарирующих актуальную русскую поэзию, в очередной раз кончился запас терминов. В ход пошли составные имена, обязательно несущие в себе прилагательное «новый» в разных его грамматических родах: «Новый эпос», «Новая сентиментальность», «Новая искренность»... Последнее из определенных, пожалуй, особенно нуждается в дешифровке. Искренность ведь или есть, или нет. Разве может она быть новой или старой? Теоретики, конечно, стараются, рассказывая, к примеру о «спонтанности высказывания» — будто в поэзии можно продумать всё от рождения стиха до последнего его знака — но, в сущности, происходит, переходя на их воробьиный язык, «апофатическая дефиниция». То есть, называние через отрицательные определения. Нет, говорят литературоведы, прочитав свежую книжку стихов. Это не «новая искренность». Ага, значит, старая? Нет, опять говорят литературоведы. Не так сие называется, наморщив лбы, говорят литературоведы. Это называется «наивной поэзией». Чего тут сказать? Литературоведы ведь тоже могут ошибаться и ошибаются. Термин «наивная поэзия» вправду существует давно, только в традиционном своём изводе означает он нечто иное, как раз не слишком искреннее. Скажем, стишки «к датам» или душевные излияния барышень из провинциальных клубов самодеятельной песни. Попытка же расширить сферу его применения выставляет в занятом свете самих этих модных литературоведов.

Вот открыли мы эту книгу. Да-да, именно эту, написанную Полиной Рублёвой. Искренне? Весьма искренне. Конечно тут, дорогой читатель, я и тебя упреждаю, и от имени автора говорю. Оттого сформулирую деликатнее: «мне кажется — искренне». В рамках ли «Новой искренности», как вполне устоявшегося за пятнадцать лет литературного течения? Опять-таки: «мне кажется — нет». Значит, наивно? Вот уж тут без всяких «мне кажется». Нет, совсем не наивно.

Да: хитро зашифрованных цитат с отсылками к иным цитатам тут вы, пожалуй, не встретите. Но вот общий строй стиха подразумевает весьма близкое знакомство с корпусом текстов как обязательных, так и, ну, скажем, факультативных. К примеру, «чайник строгий и сумбурный» — его Заболоцкий кипятил, или наоборот, Александр Ерёменко?

Впрочем, многое из самого интересного в сборнике происходит не из прочитанного, а из встреченного на собственных тропках, где можно было хоть мгновенно создать себе тульпу, хоть спуститься по-Мандельштамовски к кольцецам и усоногим:

*Мне казалось в те годы: у каждой девчонки советской
Есть сестрёнка родная, и звать обязательно – Лена...
Помню: лагерь у моря. Вторая весёлая смена.
И улитки, как шишки. Моё виноградное детство!*

Или вот, сказанное в ритме забега по мегаполису и в тот самый момент, когда результат этого забега хоть и горит на электронном табло бесконечного личного стадиона, но осознать его ещё совсем невозможно:

*Поэт, любимый кое-кем,
Вышел в книжку
Мы ходили целый день
Смотрели
Матисса Пикассо
Кандинского
И Петрова-Твоего-Любимого-Напиткина
Не попали в музей шоколада
Стояла жаркая осень
Наши тела не стояли
Бежали ехали ходили ныли
Вечер закончился ночью
В электричке после театра
Я спала, а ты обнимал мою голову
Усталую тяжёлую трудную
Как «Крейцера соната»
Наутро ты оставил на вокзале
Сумку, пакет и меня
Поехал купил книжку
В которую вышел поэт
Теперь едешь, и я их читаю*

Две приведённых цитаты, конечно, не дают полного представления о диапазоне стихов автора. Скажем, заключительный раздел книжки сделан как будто для тех самых придирчивых специалистов по актуальной поэзии: небольшие поэмы, верлибры, «проза на грани стиха» — только вот сугубо на мой вкус, раздел тот наименее индивидуален. Нечто вроде обязательной программы в фигурном катании: техникой я владею, «как все» могу. Но интересней, естественно, когда совсем не «как все».

Хотя с одним популярным и очень интересным автором сравнить Полину Рублёву вполне легко и приятно. Я имею в виду Аню Логвинову. Сходное у них порою дыхание стиха. Хотя, переходя на язык спортивных комментаторов, манера игры весьма различна. В отличие от персонажа стихов Логвиновой, лирический герой (ну, приходится иногда защищаться этим сочетанием слов) Полины чуть более отгорожен от

мира, чуть более «укрыт в слова». И оборона личного пространства иногда происходит на самых разных рубежах одного стихотворения:

* * *

*А тебя дождётся
Чистый светлый дом.
Скоро сын проснётся.
Станем мы втроем
В шахматы играть
И кастрюли мыть.
Хорошо бы сдаться.
Есть кого любить.*

Отчётливо: четыре строчки плюс две плюс ещё две. На протяжении короткого текста свободно меняются и тема, и ритм. Таких стихов особенно много в первом и лучшем разделе книги, представляющем, вопреки очевидной хронологии, наиболее свежие тексты, написанные за последние два года. Впрочем, и в стихах более ранних, составивших следующую главу, много интересного. Например:

* * *

*Я бежала
По тёмным улицам,
По взбесившимся тротуарам,
<...>
Догоняла,
След в след, отчаянно,
Отпустила тебя без слова.
Ты прости меня.
Я нечаянно. Что такого?*

Не, ничего такого. Всё правильно. Тут, кстати, прячется ещё одна загадка книги: первую часть составили стихи 2011-13 гг, вторую — 1999-2004, а что происходило в шестилетнем промежутке? Видимо, этого нам знать не след.

В книге вообще читателю предложено много игр. Например, «перевернутые» поэмы финального раздела. Только, помня, что сборник этот всё-таки дебютный, более интересным кажется другой мотив. Мотив восстановления от затянувшегося сна:

*Я проснусь ровно в тридцать, минута в минуту
Или в другом стихотворении:
Мне осталось чуть-чуть отдохнуть,
Чтобы после проснуться - и жить.*

Да, в общем, похоже, уже получилось. Во всяком случае, стихи написаны. И они, я уверен, будут прочитаны: интересные стихи, вопреки разговорам о спаде интереса к поэзии, всё-таки вызывают интерес. И остаётся лишь, обманув любопытство читателя, процитировать финальную строку книги: *«Оставим же их и перейдём к другой картине»*.

Но это уже пожелание автору, конечно.

Андрей Пермяков

Часть I
Стихотворения 2011-2013 гг.

Шотландский плед в голубую клетку,
Дождливый отблеск моей помады.
Так счастливы люди бывают редко.
Так мало для счастья кому-то надо.

Сиди над романом Паоло Коэльо
Весь вечер и дольше, до терпкой ночи.
Возьми меня в жёны в конце недели.
Потом познакомимся, если захочешь.

Афиши пристроены. День завершён.
Наверное, стоило вспомнить о нём.
День прожит. Шагаю с синицей в руке.
Размытое сердце несу в кулаке.
Его рисовал одинокий поэт,
И там, где он был, никого уже нет.

Скрип дверей моего дома,
Дома, где ты живёшь.
Здесь ещё ничего не знакомо
И с балкона заходит дождь,
Неумело стучит по крыше,
Стихотворный сбивая ритм...

Мы с дождем друг другом дышим.
Ты во сне на нас посмотри!

* * *

Тебя считают лучшим другом,
Меня считают полной дурой,
И чайник строгий и сумбурный
Полон кипятком.
Я мясо режу понемногу,
Смотрю порою на дорогу
И жду тебя я на подмогу.
Осень! И светел дом.

БОЛЬНИЧНЫЙ

Пойду гулять, чертить асфальт
Шагами девочки упрямой,
Глаза слезами застилать,
Твои стихи твердить кудряво,

А утром - просыпаться затемно, -
Вставать совсем не обязательно! –
На завтрак кушать кашу рисовую
И ждать к себе Сергей Борисовича.

Июль 2012

* * *

Загорелое тело с ароматом грейпфрута.
Разделённое сердце на две половины.
Я проснусь ровно в тридцать, минута в минуту.
Светлокрылая Несси, порою – Полина.

Загорелое тело с ароматом грейпфрута,
Свежесваренный кофе с поджаренным тостом.
Я проснусь ровно в тридцать, минута в минуту,
Повзрослеть тяжело, быть ребенком непросто.

КРЫМСКИЕ СТИХИ

КОКТЕБЕЛЬ

Босые ноги танцуют сальсу.
Это полуклубная латина
С коктейльской набережной.
Иногда больно бывает сильно.
А бывает – ничего, справимся.

Побледневшее лето
Разбазарило последние гривны.
Ярмарочно на берегу.
Моя вторая совесть кричит:
«Зачем я бегу?»

ФЕОДОСИЯ

Дремлет море, встречаясь с осенью,
На губах оставляя соль;
На краю горизонта просинью
Гаснет след мой – твоей Ассоль;
Там за городом Феодосией,
На ракушечных берегах,
Спит поэт под небесной простынью,
Позабыв о своих стихах.

СУДАК

Я шагаю по Крыму, где средневековая крепость
Раздувает причёску волос, непорядочно длинных.
Я сегодня поверила в долгую жизнь после детства,
В иноземную юность лукавой смешливой Полины.
Мне казалось в те годы: у каждой девчонки советской
Есть сестрёнка родная, и звать обязательно – Лена...
Помню: лагерь у моря. Вторая весёлая смена.
И улитки, как шишки. Моё виноградное детство!

Беспабашные годы прошли. Осень медленно льётся
Родниковой водой, наполняя берёзную кринку.
Кто же думал тогда, что сюда мне вернуться придётся,
Двадцать с чем-то тому навсегда уезжая из Крыма.

Сентябрь 2012, Крым

МОСКВА

Поэт, любимый кое-кем,
Вышел в книжку
Мы ходили целый день
Смотрели
Матисса Пикассо
Кандинского
И Петрова-Твоего-Любимого-Напиткина
Не попали в музей шоколада
Стояла жаркая осень
Наши тела не стояли
Бежали ехали ходили ныли
Вечер закончился ночью
В электричке после театра
Я спала, а ты обнимал мою голову
Усталую тяжёлую трудную
Как «Крейцера соната»
Наутро ты оставил на вокзале
Сумку, пакет и меня
Поехал купил книжку
В которую вышел поэт
Теперь едешь, и я их читаю

Сентябрь 2012

ДВА ВОСЬМИСТИШИЯ, написанных
в первый снежный день по пути
с работы на конверте с квитанцией
за квартиру в перерывах
между телефонными разговорами
с мамой

1.

Ты меня никому не отдай,
Как снежинку, возьми в ладонь.
Так начинается рай.
Так закончится боль.

Обопрись на моё плечо,
Когда не достанет сил,
И тогда ты получишь ещё,
Что у мира ты не просил.

2.

Сегодня стала, кажется, зима,
И кажутся деревья неприличней,
А ты сидишь у мёрзлого окна,
Неторопливо ешь пирог черничный,
С лимоном чай и летний разговор, -

Немыслима тоска по Коктебелю, -
И так звенит задумчиво фарфор,
И пролетают мимо дни недели.

Ноябрь 2012

* * *

Держи меня, пока живой,
Пока есть силы быть несчастным
И с перепуганной судьбой
Идти домой и возвращаться.
Мешай с шампанским анальгин,
Лети в запретную столицу.

Не вспоминай, что ты один
И представляй чужие лица.

* * *

Бывает, надо женщине поплакать,
Бывает, надо просто погрустить,
На улице осенне-зимней слякоть
Носком сапожным праведно месить,
Когда за окнами и снег, и лужи,
Демисезонный приступ тошноты,
То видишь, что никто сейчас не нужен,
А нужен, как обычно, только ты.

* * *

День на работе закончится поздно,
Закончится ночью, непрочный и хрупкий.
Мне надоело, я знаю, что точно
Боли не будет в сплошном промежутке.

Даже внезапно постигнутый эпос
Может внезапно же стать непонятым,
Только, наверное, это нелепо –
Мир разглядеть даже в солнечных пятнах.

* * *

Мужу

Почитай мне стихи, чтоб заснуть,
О протяжной любви почитай,
И тогда мне откроется путь,
И тогда мне откроется рай.

В одеяло меня завернуть,
На подушку ладонь положить;
Мне осталось чуть-чуть отдохнуть,
Чтобы после проснуться – и жить.

Почитай мне стихи, чтоб заснуть
И под голос твой не умереть,
Направляющий в самую суть,
Улетевший в небесную твердь.

Январь 2013

* * *

А тебя дожждётся
Чистый светлый дом.
Скоро сын проснётся.
Станем мы втроём
В шахматы играть
И кастрюли мыть.
Хорошо бы сдать
Есть кого любить.

Часть II
Стихотворения 1999-2004 гг.

* * *

Печален гордый заворот
Твоих ресниц из-под свободы,
Свершая полный оборот
Своей и общей, но природы,
И за весной пойдёт зима,
Всё перепутав в огороде,
И снег идёт, и ты одна
В уже ненужной, но свободе...

* * *

Звучит лоскутно тишина,
Совсем не слышная для уха,
На стол бросает тень она,
И тень ложится глухо, глухо...
Мы слышали, что пыль плыла
По бликам солнечной капли
В душе, где зреют два крыла
И где меня ты отогреешь.

* * *

Не твоя пере-лётная птица,
Недо-женщина, пере-дитя,
И на фото случайные лица,
И серьёзное слово – шутя,
И нечаянный твой попутчик,
Удивлённо взлетевшая бровь,
На беду подвернувшийся случай; –
Я – большая твоя не-любовь.

Я бежала
По тёмным улицам,
По взбесившимся тротуарам,
Растрепала
Волосы у лица,
Довела
Себя до угара.
Догоняла,
След в след, отчаянно,
Отпустила тебя без слова.
Ты прости меня.
Я нечаянно. Что такого?

В тёмном сумраке комнаты
Прячется свет под столы,
И прозрачная ходит свеча
Тенью вкрадчивой под потолком;
 Ты не вспомнил, забыл,
 Растерял, что любил,
 Что со мною ещё
 Не знаком.

* * *

Стихотворенье меня написало
Глупо, с безжизненной маскою лица,
Где и лицо моё плохо отлито,
Где моего одиночества мало,
Это портрет карандашный – и ластик,
Губы очерчены строго и прямо,
Лик мой так прост – и поэтому счастлив.

* * *

Это утро рождает меня,
Как земля – неокрепший росток,
Я сегодня начнусь,
Чтобы жить, словно капля росы
На доверчивой травинке.
Эта ночь обнимает меня,
Волной – с головою,
Я опять захлебнусь
В разноцветных мечтах о тебе,
Улетевшая птица!

* * *

Из меня сочится музыка
Сквозь клетки кожи и голоса,
Заплетает в косички волосы,
Обнимает сладостью звука.
Из меня сочится боль твоя
Сквозь клетки души и возгласа,
Разрывает сердце на полосы,
Бесприютная моя.

* * *

Мой дом ложится тенью на дорогу,
Препятствием на праведном пути,
Он ластится к прохожим, и к порогу
Зовёт пройти.

И у окна торжественно и грустно
Кольшет штору ветренный прибой,
И каждый звук и письменно, и устно
Привидится тобой.

* * *

За любовь мою
Нелюбовную,
За надежду мою
Безнадёжную,
Мне дано быть
Тобой нелюбимого,
Неприкаянную.

* * *

На кончике языка
Капелька молока.
Ты ко мне близок –
Я далека.

На кончике ресницы
Капелька водицы,
Я далека –
Но буду сниться.

* * *

Тени важнее людей,
Тени к земле ближе.
Тень твою рядом с моей
Вижу.

Люди важнее теней,
Может, немного объёмней.
Тень твою рядом с моей
Помню.

* * *

В кривом зеркале дефиниций –
Невозможность наших судеб.
Станешь серою птицей,
Что с тобой будет?
На желание сдуй ресницу
Мою со своей ладошки;
Мне следовало родиться
Кошкой.

* * *

Звук надывается на нитке,
Как вызвизг лопнувшей струны,
Как знак вопроса в древнем свитке
И шелест листьев типпины,
И в этом звуке две ладошки
Звучат звончее,
И камень, богом данный шее
Сестры Алёнушки.

* * *

Я иду по забытой дороге,
Где кончился дождь,
От тебя, – пожалею,
Что не улетела,
И чувствовать буду,
Как тёплый неровный асфальт
Прижимается нежно
К ступне необъятного тела.

* * *

В слове «лето» есть привкус весны,
Где приходит с дождинками осень,
Где траву с удовольствием косят,
Где плывут в одиночестве сны.

В твоём имени шелест листвы
Под моими ногами уставшими,
В светлом омуте путь потерявшими,
Не дошедшими до Москвы.

Часть III
Вещи и композиции

* * *

Междуосеньевесенье
Извлекает из страниц
Хоровод перевертенья
Анонимнейшейших лиц,
И взлетают до небес
Лётно-вылетные птицы,

Вымечтовывают без-
*И*нтересные присницы,
Хор сбивается с пути,
Опылённого пылицей,
Да как небо ни крути -
Если смотришь - не добиться
Цельновыкроенности.

КРАКОЗЯБРА 1

Бесконечность слишком тяжёлая, когда начинаешь ощущать её давление всем телом. Тогда кажется, что небо стало шарфом, а ведь человек по отношению к бесконечности есть только пылинка.

Во вселенной начинается всё. Человек есть одновременно и начало, и центр, и апофеоз бесконечности. Он черпает оттуда и надежду, и боль, и весь свой характер, и все свои чувства. Вселенная целиком и полностью подарена каждому человеку, каждому живому существу на Земле. Она весит ровно столько, сколько боли чувствует человек, и поэтому порой трудно держать её на плечах. Никто не поможет в этой трудной работе – ты один на один со своей ношей, со своей бесконечностью. Чем менее ты счастлив, тем более ощущаешь свою незначительность. Когда ты счастлив, бесконечность становится безначальностью.

В каждом из нас есть частичка характера вселенной. Мы столь же постоянны, как и изменчивы в равной степени; мы обладаем силой притяжения – и всё-таки стремительно движемся друг от друга.

ПОЭМА ЗВЕЗДЫ.

*«Мне в тебе дорого всё то,
что находится вне меня...»*

Реплика из жизни.

Сына назовёшь
Как-нибудь,
Дочку назовёшь –
Дочкою.
Может быть, Звезда –
Капнула,
Может быть, любовь –
С дерева.

А любовь – разглядишь –
Сладкая,
А разлука – на вкус –
Синяя.
Не была бы до тебя
Падкая,
А была бы до ТЕПЕРЬ
Сильная.

А не буду – не помру
Со смеху,
А не видишь – не сгорю
Со стыду.
Если можешь, дай еще
Воздуху,
Если можешь, то возьми –
Гордую.

А Земля — не поймёшь,
Вертится!
После вечера опять —
Раннее,
Суждено ли нам с тобой
Встретиться?
Не придётся ли любовь —
С дерева?

Не цеди ты меня по-
Капельке
Из терпения да от-
Душины,
Не лишай меня моей
Маленькой
Цельновыкроенности про-
Стуженной.

Сон заканчивай, сон за-
Кручивай,
До конца, до спирали —
Вымучай,
Не змея — только тварь
Ползучая,
Как кино — надоест, так
Выключи!

А играть со мной
Недостаточно,
Мне нужна ещё песня
Звучная;
Слов так много, уже пере-
Складочно,
Фраз так мало, ещё недо-
Сказано.

Помирились бы, милый, –
Вот беда,
Оказалось, что мы не –
Ссорились;
И была б сорняком
Лебеда –
Да морковки мы
Не посеяли.

Да мы вымыли б вместе
Звёздочки,
Оказалось – не мы их
Пачкали;
Остаётся стоять
У форточки
И курить сигареты
Пачками.

Ты довёл меня до от-
Чаянья,
Я в объятья твои камнем
Кинулась.
Не тверди потом,
Что нечаянно,
Не тверди потом,
Что привиделось.

Я хотела быть
Крокодильчиком,
И теперь я, наверное,
Счастлива,
Я хотела быть чьей-то
Девушкой,
Стала – вот как! – твоего? –
Женщиной.

Я тебя, милый, пере-
Любливать
Буду, пока небо недо-
Выпадет,
Пока ты пере - недо - рас -
Творишь
Мне свою широкую, мягкую и пушистую
Душу...

Сына назовёшь
Как-нибудь,
Дочку назовёшь –
Дочкою.
Может быть, Звезда –
Капнула,
Может быть, любовь –
С дерева...

КРАКОЗЯБРА 2

Волосы Девушки пахли дымом. Она походила на воздух. Когда она была рядом с кем-то, она казалась так же необходима, как он. Существование тех, с кем она в данный момент не общалась, вызывало у неё сомнение. Ею дышали. Её осязали. Её ощущали.

Движения её были грациозны и непринуждённые. Девушка ощущала себя естественной, и мир принимал её такой. Это была грация невинности, обращённой в мечтательность. Её философия была простой – жить естественно, не мудрить, исходя из природы.

В неповторимом соответствии звучали в ней робость ребёнка и смелость поэта. В произведениях Девушки жили её мечты, прилетавшие из далёких глубин вселенной и подсознания, - её подсознание было сознанием наоборот. Всё находившееся вокруг неё было её небом, но она не казалась ничтожной в этой вселенной, по временам она казалась её царицей – понимала, что вечность ей всецело принадлежит. Её характер представлял собой странную смесь нежности и ясности бытия, она шла прямо вперёд, но эта тропинка иногда приводила её в прошлое. Она знала своё поведение только в тот момент, когда оно проявлялось, но не раньше и не позже – девушка была человеком настроения, человеком настоящего, когда, по её мнению, и стоило жить.

Она настолько была маленькой и небесной, что могла бы раствориться в воздухе и улететь. Разве кто-нибудь был способен понять её, если она считала сознание чем-то неделимым, не растворяющимся в вечности, а потому недоступным обыкновенному пониманию?

Она жила так, как живут ресницы в снегопад, она трепетала.

КРАКОЗЯБРА 3

Фигура Мужчины походила на вопросительный знак. На неуловимый вопросительный знак. Он был мудр и изворотлив, как змея. Его эгоцентризм естественно вытекал из любви к людям, он относился к людям внимательно и осторожно. Люди не всегда ценили его внимание, участие, заботу, и многие считали его плохим человеком. Он был поэтом. Он курил, как паровоз.

Иногда он видел людей насквозь. Если предполагал, что его не испугает результат. Но он ничего не боялся. И никого.

В его сознании страх соединялся с любовью в неделимое целое и назывался трепетом. Он был чуток – одним из основных его средств общения с людьми было осязание, однако стоило прикоснуться к нему в тот момент, когда он этого не хотел – и он мог отшатнуться, как от неприятного создания.

Он был интересным собеседником, подобно природе – мы можем без усталости слушать шум водопада, шелест листьев, хруст гравия под шагами любимого человека, когда бывает такое настроение, что вся природа говорит с вами его голосом. Это неосязаемое удовольствие – слушать, как скрипит тропинка из гравия под его ногами, или сухие осенние листья, смешанные с ельником и шишками, и ты идёшь рядом, слушая мелодию его речи. Тогда вы оба становитесь природой, потому что если люди в согласии друг с другом, они не перестают быть естественными, и возвращаются в природу.

Мужчина жил, как живут глаза, ибо они живут естественно и никогда не делают того, что будет им хотя бы немножко неприятно. Глаза думают и о других, - наблюдали ли вы когда-нибудь, как один взгляд может поддержать, или полюбить, или ввергнуть в бездну?

АНТИБЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

Посвящается Михаилу Выходцу, нерождённому Буратино, амёбе, которая пробует прилепиться к стенке, встающим из могил покойникам, Пегнату Лебядкину и тому, кто первым сделал что-либо наоборот...

ЭПИЛОГ

Начнём с конца,
Началу — нет,
В конце все истины — из тины —
Перемещаются в картины,
В которых скрючен белый свет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАЙ

4

Улыбка расколет лицо
На две неживых половинки.
Одно разорвётся кольцо,
Одни растекутся слезинки
От счастья иль, может, беды.
Как вкус ледяной лебеды.

3

Я подарю отчаянье погоде,
К несчастью, зарисованной тобой;
И не по силам девственной природе
Ведро, отягощённое водой.
Мой рай немеет, заржавлен и разут,
Мой рай — борьба меж истиной и снами,
Меж теми, кто отправился за нами,
И теми, кто не сбросил крепких пут.

Он рад, он счастлив,
Он исполнен зла,
Он ищет отпущения козла,
Он друг – и враг,
и явь – и сон, и кровь,
И ангел, подаривший мне любовь,
И пусть он одинок и нелюдим,
Я всё равно везде пойду за ним.

2

Разрисованный листьями
Жалкий уют
Ветки пихты смолистые
Долго куют,
Долго верят во всё,
Что касается их,
Верят в скудный её
Растревоженный стих,
И горят расставания
Чёрным огнём,
Словно шепчут отчаянно:
«Будем вдвоём!»,
Через счастье, ненастные,
Скромно несут
Разрисованный листьями
Жалкий уют.

1

Солнце надело очки,
Спряталось от себя.
Чёрные пятна почти
Стали чернее огня,
Стали краснее стыда,
Стали воздушней мечты,
Каменней, чем города,
Дальше от друга, чем ты.

Душу открою тебе,
В душный закрытую страх,
В жутком слепом сентябре,
Августом ставшем в стихах.
Мир раскололся на два,
Мой, запылённый, и твой;
Ты не вернёшься домой, я изойду на дрова.
А мог бы получиться из меня
Хороший Буратино без огня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЧИСТИЛИЩЕ

3

Расступились цветы на ковре,
Нас пропустив в середину;
Мы пели с тобой под сурдину,
Мы жили в сплошном декабре,
Когда ни фрагмента апреля
Не видно, родит горизонт
Всё то, чего мы не успели,
Всё то, что огонь унесёт.
Телефонный звонок прогудел
Разноцветным таинственным страхом,
Люди стали ресницами, взмахом,
Только строчкой – всегда не у дел.
И раздробленный, раненый воздух
Раздражается чудом весны,
Люди сыплются в память, и роз дух
Расправляется оком сосны;
Мы идём по дороге из лета,
Ищем что-то – возможно, зимы,
Может быть, приближенья кометы,
И ещё – отдаленья от «мы»;
Как придём к бесконечному дому,
К незнакомому лесу во тьме,

То поймём, что ещё незнакомы,
Что прибиты не к этой скамье,
Что всем рано — а нам уже поздно
Что-то в смерти серьёзно менять,
А что раньше казалось серьёзно —
Нынче выйдет копеек на пять.

2

Сегодня
замер снежный круг,
Сегодня
планета отбилась от рук,
Сегодня
я и ты, и всё это — вдруг,
И нас
когда-нибудь купят «с рук»,
И мы
не сможем ничем помешать,
Ведь нас
будут дешёво продавать,
По копейке
за слово,
По десять
за мысль,
А по двадцать —
за то, что мы
совсем не туда вознеслись.

1

Тень ложится на планету,
тень - отчаянная мысль;
разворовываем лето,
отворовываем смысл.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АД

3

Разбиваем зеркала.
Выкорчёвываем пни.
Выметается зола
Из разваленной печи.

Пьём лекарственный отвар.
Подковали сотню блох.
Со стены слетел комар.
Мир, наверно, очень плох.

Попадает таракан
Под метёлку пылесоса.
И рождается обман,
Как нелепые вопросы.

2

Пусть
Сойдутся в слове губы
Уст,
Заполонённых дымом,
Грусть
Опущенных ресниц
Пусть
Опустится вниз.
Лесть
Витает вокруг одинокой могилы,
Есть
Ещё в этой смерти своя середина,
Честь
Наша содержится в глубине камина,
Смерть –
Хранится на дне пруда,
заросшего тиной.

Мы выходим
Порою гулять по воде,
Мы выходим,
Чтоб ночью вернуться к себе,
Мы выходим
Просто чтобы пугать людей.

1

Тараканы устроили праздник
В коридоре.
Мы ровесники в нашем счастье,
В нашем горе.

ПРОЛОГ

Секундная стрелка путь совершила
По всей вселенной – даже дальше;
В часах моих середина
Твоего минутного счастья.

КРАКОЗЯБРА 4

Были ли знакомы эти два характера, эти две вечности, эти два под-сознания, Девушка и Мужчина?

Скорее всего, они и сами этого не знали.

Их отношения органично вытекали из их вселенной, которая у них была общей, поскольку жизнь часто сталкивала их в неповторимых обстоятельствах. Они тянулись друг к другу – и в то же время отталкивались, у них было много общих знакомых – и не было общих друзей, они встречались и расходились, как встречаются и расходятся капли дождя.

Они никогда не были вместе, но расставание причинило боль.

Они всегда могли прекрасно обходиться друг без друга, но расставание причинило боль.

Расставание причинило боль...

Расставание причинило боль...

Они были друг для друга эхом.

Ь

1.

Мелодия плавно звучала,
Плыла в полукруге начала, —
Не спрашивай. Это просто —
Мягкий знак
В твоём имени жёстком.

2.

А ещё у нас беда, —
Солнце светит в Никуда,
Соль размокла,
Онъй брак
Лезет в строчку
Ь.

КРАКОЗЯБРА 5

Кракозябра пришла в их жизнь из уст случайного прохожего, словно подчёркивая случайность во всей их жизни. Уже неважно, какая игрушка была так определена, главное то, что это существо сразу слилось с душою Девушки, и обрело иной, самобытный облик.

Это было существо серо-зелёное, как её глаза. Пухистое, как его волосы, мягкое, как их отношения, тёплое, как живое существо. Кракозябра немного походила на кролика, в ней было и что-то неминуемо колючее, почти отталкивающее, и характер её, поведение, взгляд сделали то, что не под силу вечности – соединили в себе черты обоих этих личностей.

Он не называл её Кракозяброй. Лишь когда-то, давно-давно, когда их взгляды ещё не дышали разлукой, он назвал её Дерзкой Девчонкой.

Были ли они знакомы?

Возможно, они и сами этого не знали, они были довольны и тем, что дала им судьба.

Две бесконечности, соединяясь, становятся безначальностями...

Кракозябра была более человеком, чем каждый из них в отдельности, но в себе соединяла их обоих. Не была ли и Кракозябра эхом?.. Девушка жила, как живут ресницы в снегопад; Мужчина жил, как живут глаза.

Расставание причинило боль... Не эта ли боль и есть Вселенная?..

АБСТРАКЦИЯ В ЦВЕТЕ

«Ваше платье бессильно повисло на стуле...»

Сергей Юрский

Где-то глухо хлопали двери – чьи-то фигуры приходили и уходили, возвращались и превращались – одна в другую. Может быть, это был чей-то сон. А может быть, чья-то реальность. Но ЭТО было.

Красная Пирамидка жила давно, жила интересно, её окружали мысли и действия, желания и сомнения, фигуры и лица. На своём основании она стояла крепко. Она была вызывающе заметна в кругу фигур, её влекло в мир живой и движущийся, в мир, существующий во времени и пространстве. Она была музыкальна и поэтична, умна и словообразовательна.

По левую сторону от Красной Пирамидки вырисовывался Зелёный Шар. Он, казалось, был рядом с нею всегда, и забыть о нём она была не в силах. На его зелени отдыхал глаз, около него она обретала спокойствие, и отражала предметы в их реальном значении. Часто они образовывали вместе для внимательного глаза Красно-зелёный Пирамидошар, и в тот момент мир расцветивался в яркие краски.

Всегда в зоне видимости и слышимости находился и высокий Оранжевый Цилиндр, необычайно интересная фигура, во многом гениальная. Его отличали внимание, гамма ярко-оранжевых оттенков его характера. Он смотрел на существование трезво и мудро, и именно он, рассуждая о времени и пространстве, заинтересовал Красную Пирамидку реальным течением событий.

Мудрые мысли Оранжевого Цилиндра находили приют на вершине Красной Пирамидки, и они много времени провели в беседах, рассуждениях и наблюдениях за происходящим вокруг.

Гораздо реже наблюдала Красная Пирамидка течение существования Синего Куба, доброй и чуткой фигуры; цвет его напоминал Пирамидке синеву неба, светлое, красивое нечто, расцветенное солнечными лучами. Вообще естественное, природное и фигурное причудливо сочетались в характере этого совсем ещё юного Сине-

Полина Рублёва. Пробуждение

го Куба. В нём соединялись плоскостное и объёмное, молчаливое и разговорчивое, белое и цветное. Общение Пирамидки с Синим Кубом напоминало ей работу над собой, когда недостатки сначала осознаются, а потом лелеются как нечто, присущее только данной фигуре.

В те моменты, когда Красная Пирамидка окончательно терялась и не знала, смотреть ли на Зелёный Шар, на Оранжевый Цилиндр или на Синий Куб, она устремляла взгляд прямо перед собой. И там, в глазах странных существ, видела Разноцветное Пятно. Возможно, оно было только плодом её воображения – ещё одна фигура, которую она слышала и чувствовала. Это нестандартное общение давало ей отдых и покой в сложных поворотах существования. Пирамидка ясно видела, что в глазах других она постоянно сливается то с Зелёным Шаром, то с Оранжевым Цилиндром, то с Синим Кубом, и её возмущало то, что её существование определяло нечто извне.

Поскольку Красная Пирамидка любила рассуждать, думать, мыслить, однажды она представила себе вторую такую же Красную Пирамидку. Эта картина поразила её. Она подумала о том, что совершенно одинаковых фигур нет и быть не может, и поняла, наконец, что суть её не во внешней оболочке, а во внутреннем содержании. Едва лишь Пирамидка проговорила про себя эти истины, она вдруг ощутила, что стала прозрачной. И тут она увидела внутри себя... Зелёный Шар, Оранжевый Цилиндр, Синий Куб и даже Разноцветное Пятно.

Пирамидка подумала, что внутри каждой из фигур – участников её жизненного процесса – есть внутри маленькая Красная Пирамидка, как отголосок её любви и их общения друг с другом. Кроме того, различные линии и стрелки соединяли на холсте фигуры, и Красная Пирамидка нашла наконец своё время и своё пространство – то, о чём шептал ей Оранжевый Цилиндр.

Оставим же их и перейдём к другой картине.

СОДЕРЖАНИЕ

Пробуждение (предисловие Андрея Пермякова)
/3/

ЧАСТЬ I. СТИХОТВОРЕНИЯ 2011-2013 ГГ.

«Шотландский плед в голубую клетку...»
/9/

«Афиши пристроены. День завершен...»
/10/

«Скрип дверей моего дома...»
/11/

«Тебя считают лучшим другом...»
/12/

БОЛЬНИЧНЫЙ
/13/

«Загорелое тело с ароматом грейпфрута...»
/14/

КОКТЕБЕЛЬ
/15/

ФЕОДОСИЯ
/15/

СУДАК
/16/

МОСКВА
/17/

ДВА ВОСЬМИСТИШИЯ, написанных в первый снежный день
по пути с работы на конверте с квитанцией за квартиру
в перерывах между телефонными разговорами с мамой
/18/

«Держи меня, пока живой...»
/19/

«Бывает, надо женщине поплакать...»
/20/

«День на работе закончится поздно...»

/21/

«Почитай мне стихи, чтоб заснуть...»

/22/

«А тебя дождется...»

/23/

ЧАСТЬ II. СТИХОТВОРЕНИЯ 1999-2004 ГГ.

«Печален гордый заворот...»

/27/

«Звучит лоскутно тишина...»

/28/

«Не твоя пере-лётная птица...»

/29/

«Я бежала...»

/30/

«В темном сумраке комнаты...»

/31/

«Стихотворенье меня написало...»

/32/

«Это утро рождает меня...»

/33/

«Из меня сочится музыка...»

/34/

«Мой дом ложится тенью на дорогу...»

/35/

«За любовь мою...»

/36/

«На кончике языка...»

/37/

«Тени важнее людей...»

/38/

«В кривом зеркале дефиниций...»

/39/

«Звук надрывается на нитке...»

/40/

«Я иду по забытой дороге...»

/41/

«В слове лето...»

/42/

ЧАСТЬ III. ВЕЩИ И КОМПОЗИЦИИ

«Междуосеньевесенье...»

/45/

КРАКОЗЯБРА 1

/46/

ПОЭМА ЗВЕЗДЫ

/47/

КРАКОЗЯБРА 2

/51/

РУКИ

/52/

КРАКОЗЯБРА 3

/53/

АНТИУБОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

/54/

КРАКОЗЯБРА 4

/60/

«Б»

/61/

КРАКОЗЯБРА 5

/62/

АБСТРАКЦИЯ В ЦВЕТЕ

/63/

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Полина Игоревна Рублёва
Пробуждение: книга стихотворений

Предисловие:
Андрей Пермяков

Составление:
Михаил Выходец
Андрей Торопов

Вёрстка, концепция серии:
Александр Петрушкин

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 28.05.2013 г.
Формат: 148x200 1/16
Тираж: 1000 экз.

Полина Игоревна РУБЛЁВА
Родилась в 1982 году в Свердловске, окончила филологический факультет Уральского госуниверситета и Уральскую государственную консерваторию им. М.П. Мусоргского по классу домры. Живет в Екатеринбурге. Работает главным администратором Уральского государственного оркестра народных инструментов «Звёзды Урала» в Уральском центре народного искусства. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Новая реальность», «Уральский следопыт», в различных альманахах и сборниках. «Пробуждение» - первая книга.

ISBN 978-1-304-32696-6

9 781304 326966